

**Из истории университетской
философии**

**ТРИ ИПОСТАСИ КНЯЗЯ С.Н. ТРУБЕЦКОГО:
педагог, общественный деятель и философ***

А.Т. ПАВЛОВ

Университет не может процветать на всякой почве и во всякой атмосфере. Чтобы привлекать к себе лучшие силы страны и развить всю свою мощь, он нуждается прежде всего в нравственном уважении со стороны общества и признании его самостоятельности.

С. Трубецкой

Князь Сергей Николаевич Трубецкой вошел в историю русской мысли, русской культуры, в историю России не только как крупный и оригинальный мыслитель, философ, профессор и ректор Московского университета, но и как известный общественный деятель, активно отстаивавший идеалы свободы личности, академические свободы и автономии университетов, преподававший взгляд на образование не только как способ получения знаний, но как на процесс формирования личности, гражданина, человека, способного активно создавать свой духовный мир, расширять свой творческий потенциал.

Не случайно первый печатный сборник, посвященный его памяти и вышедший вскоре после его смерти, был озаглавлен «Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа». Уже в первой статье этого сборника говорилось: «Официально князь только ректор и профессор Московского университета. Неофициально же имя Сергея Николаевича Трубецкого для России и русского общества окружено ореолом славы вождя и проповедника гражданской свободы и любви, истинного патриота своей родины и крупного общественно-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Профессорская философия в Москве после восстановления кафедр философии университета (1861-1905)», грант № 06-03-90306а/Б.

го деятеля на пути настоящего освободительного движения России. <...> Он первый стал бороться за свободу духа и знаний, за автономию университетов, их самостоятельность и независимость академической жизни от произвола администрации»¹.

А вот его коллега по университету, выдающийся русский ученый, профессор В.И. Вернадский, подчеркнул значение С.Н. Трубецкого для развития русской философской мысли, назвав его «одним из первых оригинальных, чисто русских философов», который «в то же время являлся крупным ученым, владеющим всем аппаратом ученого XX в.». В.И. Вернадский отметил в своей речи, что само время деятельности С.Н. Трубецкого вынуждало каждого честного и порядочного человека отдавать свои силы и время не только своей профессиональной деятельности, но и борьбе за гражданские свободы и свободу преподавания. «В тяжелое и мрачное время нам приходится жить, — говорил Вернадский, — но его время было еще безотраднее. Свинцовыми, беспросветными сумерками была охвачена университетская жизнь — отражение жизни России»².

К началу XX века приват-доцент Н.С. Трубецкой освоил чтение курсов истории древней и истории новейшей философии, курс германской философии средневекового и реформационного периодов, философию отцов церкви и историю христианской мысли в первые века; для классического отделения историко-филологического факультета он читал курс «Платон и Аристотель».

В 1900 г. он защитил докторскую диссертацию «Учение о Логосе в его истории», получил звание экстраординарного профессора и в 1901 — 1902 учебном году стал читать курс «Религия древних греков» для 3-го курса классического и исторического отделений историко-филологического факультета. Как видим, диапазон интересов С.Н. Трубецкого был достаточно широк, но основные его интересы сосредоточивались в области античной философии и формирования монотеистической христианской религии. И лекции его по этим проблемам пользовались особой популярностью у студентов, о чем говорят почти все слушавшие его лекции и оставившие свои воспоминания о них.

Педагог-новатор

С.Н. Трубецкой обладал необычайным педагогическим талантом, он умел вовлечь студентов в активное обсуждение рассматриваемых философских проблем, делая их как бы участниками тех философских споров, которые развертывались в различные периоды истории.

Вот, например, как отзывался Б.А. Фохт о лекциях С.Н. Трубецкого: «Как никто умел он увлечь своих учеников и поощрить их к строгому научному исследованию... Кто бывал на его лекциях, и особенно на его практических занятиях, никогда не забудет того искрометного воодушевления и захватывающего, проникновенного пафоса, с которым он говорил об основных моментах развития античной философской мысли и характеризовал ее величайших представителей»³. А вот как описывает в своих воспоминаниях лекции С.Н. Трубецкого Андрей Белый, который вообще не очень лестно отзывался о профессорах историко-филологического факультета, называя их «серой компанией» по сравнению с профессорами физико-математического факультета. Скорее всего, причиной такой оценки было негативное отношение некоторых профессоров, особенно Лопатина и Трубецкого, к декадентским увлечениям сына уважаемого профессора математики Н.В. Бугаева. Андрей Белый с обидой вспоминает, например, что Лопатина и Трубецкого «ужаснула» попытка А. Белого в своем реферате рассмотреть принцип сохранения энергии в жизни искусств. Но совесть все же не позволила Андрею Белому не отметить талант С.Н. Трубецкого как преподавателя, хотя Л.М. Лопатина он описывает прямо-таки карикатурно. В присущем ему художественном стиле Андрей Белый так описывает лекции С.Н. Трубецкого, выделяя его из «серой компании» профессоров факультета. «Был исключением курс философии, читанный нам Сергеем Трубецким, — пишет А. Белый, — этот длинный, рыжавый, сутулый верблюд с фасом мопса на кафедре вспыхивал: из некрасивого делался обворожительным; он не судил по Льюису, Новицкому, Целлеру или Виндельбандту; купаясь в источниках, заново переживал Гераклита, Фалеса или Ксенофана; бросая указку, он импровизировал над материками, их, а не «школу» вводя в поле зрения курса.

В стиле таком он вел и семинарий свой по Платону; мы, взявши диалог, осилив источники, в ряде живых рефератов и прений знакомились с мыслью Платона; профессор не гнул линии, лишь дирижируя логикой прений»⁴.

Будучи прекрасным педагогом, С.Н. Трубецкой много сил и внимания уделял проблемам организации просвещения в России, особенно проблемам высшей школы. Он был активным пропагандистом идеи такого университета, в котором учащие и учащиеся составляют единый коллектив, проникнутый идеей освоения научных знаний. Эту свою идею С.Н. Трубецкой начал осуществлять уже в 1894 – 1895 учебном году, когда организовал на факультете студенческий исторический кружок. Но это было только начало грандиозных планов неформального общения преподавателей и студентов. В конце 1898 г. на факультете, по инициативе С.Н. Трубецкого возник еще один кружок более широкой проблематики, на котором читались и обсуждались рефераты, темы которых не укладывались в узкие рамки специальных факультетских требований. Правда, кружок этот из-за студенческих беспорядков весной 1899 г. перестал собираться. Но С.Н. Трубецкой не прекратил усилий по организации неформального общения со студентами. Он встал во главе группы студентов, которые в противовес радикальным студентам, выдвигавшим политические требования, решили объединиться для обсуждения научных проблем. В январе 1902 г. на квартире Трубецкого состоялось обсуждение устава рождающегося студенческого общества. Князь Трубецкой лично выезжал в С.-Петербург, чтобы добиться разрешения на создание студенческого общества. 16 марта 1902 г. С.Н. Трубецкой был единогласно провозглашен председателем общества, которое стало называться «Историко-филологическое студенческое общество». Товарищем председателя (то есть заместителем) был избран приват-доцент юридического факультета П.И. Новгородцев, секретарем – студент А.И. Анисимов. Торжественное публичное открытие общества состоялось 6 октября 1902 г. в Большой физической аудитории. Историко-филологическое общество стало быстро развиваться и в течение 1902 – 1903 учебного года количество его членов превысило тысячу человек. «Мы собирались чуть ли не ежедневно», – говорил Трубецкой через год после начала работы общества⁵.

В работе общества участвовало более двух десятков профессоров и приват-доцентов, в том числе Л.М. Лопатин, А.А. Мануйлов, А.А. Кизеветтер, Н.В. Давыдов, И.Ф. Огнев, Н.Г. Попов и др. Среди участников общества были студенты юридического факультета И.А. Ильин, историко-филологического факультета В.Ф. Эрн

и др. Как вспоминал много лет спустя участник этого общества Ив. Херасков, «внутри несвободного университета оно явилось маленьким островком свободы, живым символом подлинного академизма. Это был университет в университете – «университет» в первоначальном значении слова, как корпорация или братство учащихся и учащихся: полная свобода мысли и слова, высокий уровень духовной культуры, живая академическая общественность»⁶. С.Н. Трубецкой называл это свое детище «наш вечерний университет». Об отношении С.Н. Трубецкого к созданному им обществу и о планах его развития хорошо говорит письмо Трубецкого к Б.Н. Чичерину. Весной 1903 г. он писал ему: «Дорогой Борис Николаевич! Студенческое Историко-филологическое общество, которого я состою председателем, избрало Вас своим почетным председателем и просит Вас оказать ему высокую честь Вашим согласием. В настоящее время Общество насчитывает четыре секции: философскую, историческую, историческо-литературную и секцию общественных наук. Философская секция (под председательством Лопатина) к осени надеется приступить к печатанию своих «трудов» – перевода метафизики Аристотеля, отчасти уже изготовленного под моей редакцией, и латинской диссертации Канта – под редакцией Лопатина. Кроме того, мы надеемся осенью же выпустить целый сборник статей студентов и профессоров – членов нашего общества. Цель общества служить для студентов оплотом академической свободы. Они приглашают, кого хотят, слушают, кого хотят, занимаются, чем хотят. Забастовки и «обструкции» против общества не должны иметь места, оно создано самими студентами, и во время беспорядков его деятельность не должна прекращаться. Общество создало уже свою маленькую библиотеку, может быть, и Вы дадите ей что-нибудь из Ваших изданий. Товарищем председателя состоит Новгородцев, который заменит меня по отъезде моем за границу...»⁷.

В августе 1903 г. С.Н. Трубецкой организовал поездку почти полутора сотен студентов в Грецию по местам деятельности выдающихся мыслителей античности. Эта поездка оставила неизгладимый след в сердцах его участников, но Трубецкому стоила немалых усилий, и здоровье его после возвращения было не в лучшем состоянии. Врачи рекомендовали ему поехать на лечение за границу, и С.Н. Трубецкой вынужден был отказаться от председательства в Историко-филологическом обществе. Но и за границей мысли о судьбе общества, судьбе университета не оставляли С.Н. Трубецкого. В январе 1904 г. он пишет из Дрездена статью «Татьянин день» в «Русские ведомости», в которой в очередной раз подчеркивает значение автономии университета для процветания высшего образования в стране.

Естественное право университета — его автономия

«Цель университета довлеет себе, — пишет Трубецкой, — она в полном смысле этого слова самостоятельна, автономна, и вот почему автономия составляет как бы *естественное право* университета, при нарушении которого он процветать не может и по необходимости колеблется между противоположными и одинаково чуждыми ему внешними стремлениями.

Университет не может процветать на всякой почве и во всякой атмосфере. Чтобы привлекать к себе лучшие силы страны и развить всю свою мощь, он нуждается прежде всего в нравственном уважении со стороны общества и признании его самостоятельности. <...>

Урок 1884 года⁸ не может пройти даром. Теперь всем стало ясно, что авторитетом университета надо дорожить, что его попирать нельзя, что одна внешняя учебно-административная власть, как бы сильна она ни была, не в состоянии заменять собою *авторитет* самостоятельной ученой коллегии университета»⁹.

О неспособности бюрократического аппарата руководить высшим образованием свидетельствовали непрекращающиеся студенческие волнения, в результате которых в конце 1904 г. все университеты в стране были закрыты. С.Н. Трубецкой очень сильно переживал такую ситуацию. Он постоянно выступал в печати с критикой существующего положения в стране, и хотя в начале 1905 г. состояние его здоровья ухудшилось, начались сердечные и головные боли, он продолжал активно бороться за введение в стране свободы слова, печати, собраний. Особенно большой резонанс в стране имела его речь 6 июня 1905 г. на съезде городских и земских депутатов в присутствии Николая II, в которой он призвал государя созвать избранников народа для установления в стране внутреннего мира, затронул он и проблемы высшего образования. Николай II попросил Трубецкого составить ему докладную записку об университетском вопросе и передать ее непосредственно ему через министра двора барона Фредерикса. 21 июня записка была готова и передана императору. В записке С.Н. Трубецкой писал, что основной порок устава 1884 г. — отстранение профессорской корпорации от управления университетами и что восстановление универси-

тетской автономии является единственным средством спасения университетов от деградации. «В школе — все будущее России, — писал Трубецкой, — и никакие жертвы, необходимые для ее устройства и подъема, не должны останавливать правительства, которое хочет блага страны и пожелает поднять свой авторитет»¹⁰.

Николай II внял доводам С.Н. Трубецкого, и 27 августа газеты опубликовали правительственное сообщение о введении «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», которые восстанавливали выборные начала в университетской жизни.

В Московском университете все заговорили о кандидатуре кн. С.Н. Трубецкого на пост ректора. Совет университета 2 сентября 56-ю голосами против 20-ти избрал 43-х летнего профессора философии ректором Московского университета. Это было ярким свидетельством того уважения, которым пользовался С.Н. Трубецкой в коллективе университета.

Несмотря на появление во главе университета всеми уважаемого и любимого профессора студенческие волнения не прекратились. В аудиториях продолжали проходить митинги с участием посторонних университету лиц. И тогда новый ректор 22 сентября принял решение закрыть университет, чем еще больше накалил обстановку. Профессорский Совет после нескольких дней заседаний решил просить правительство допустить «узаконение свободных общественных собраний и обеспечение личной неприкосновенности, составляющие насущную потребность страны», с тем, чтобы оградить высшую школу «от наплыва лиц, стремящихся удовлетворить эту потребность». Дело в том, что университетские аудитории стали использоваться для митингов потому, что вне университета такие общественные собрания были запрещены, а их участники подвергались преследованиям. Дабы оградить университет от наплыва посторонних лиц, Совет университета и обратился с просьбой разрешить такие собрания вне стен университета.

28 сентября 1905 г. С.Н. Трубецкой выехал в С.-Петербург, чтобы доложить о решении Совета университета. Утром 29-го

после беседы с министром тот попросил князя принять участие в заседании комиссии по выработке нового университетского устава. В ходе заседания С.Н. Трубецкому стало плохо. Консилиум врачей ничего не смог поделать. В 11 часов вечера кн. С.Н. Трубецкой скончался¹¹.

Суть философии — поиск истины

Князь С.Н. Трубецкой действительно отдавал все свои силы университетским делам, много внимания уделял он и вопросам общегражданского состояния России, но в памяти потомков он остался прежде всего как философ. Философия, как верно отмечает его брат, была его любимым делом. Он сам объяснял свое увлечение философией тем, что для человека влечение к истине составляет самую суть его существования, а философия и есть поиск Истины. Но истина, подчеркивал он, не есть плод ощущений, а потому истина не может быть результатом деятельности ума одного человека. Вся история философии, говорил С.Н. Трубецкой, свидетельствует о том, что отдельная философская система, каким бы философским гением она ни была создана, не может быть истиной в последней инстанции. Борьба различных точек зрения в философии есть свидетельство того, что истина не раскрывается целиком одному человеку. Вот почему философию можно изучать только в ее истории, в истории борений различных философских теорий. «В таком изучении, — писал он во введении к «Курсу истории древней философии», — мы найдем ответ и на тот вопрос, который ставится нами различиями и противоречиями отдельных учений: эти различия и противоречия отдельных философий свидетельствуют об истинности самой философии в них, о ее неподдельности и правдивости. Изучая их, мы убеждаемся в том, что эти различия и противоречия не случайны и не сводятся к простым особенностям умственного склада отдельных мыслителей, но что они коренятся в самой природе человеческого разума, в его отношении к конечному предмету его познания»¹².

В своих более ранних размышлениях С.Н. Трубецкой уточнял, что противоречия между различными философскими системами есть не только результат особенностей умственного склада отдельных мыслителей, но являются от-

ражением противоречий в самой действительности. «Истинная метафизика должна приходиться к противоречию и нисколько не пугаться этого, — писал он, — потому что противоречие лежит в сущности вещей. Метафизика — наука отвлеченная, чисто рациональная, не может выйти за пределы этих противоречий, потому что идеал, в котором они примирены, есть нечто абсолютно конкретное. Философия есть вообще умозрение о противоречиях — определение парадоксальное, хотя и не новое. Разве объяснимы иначе противоречия философских систем, составляющие самую историю философии? <...> Нет философа, который был бы согласен безусловно с другим философом <...> Итак, еще раз, философия есть умозрение о противоречиях»¹³.

Но подчеркивая невозможность игнорирования существующих в действительности противоречий, необходимость не обходить эти противоречия, а научиться учитывать их в процессе движения к Истине, С.Н. Трубецкой приходит к убеждению, что философствовать без знания истории философии — пустое дело. «Мы уже теперь *не можем философствовать без истории*, — писал Трубецкой, — если не хотим *философствовать в анекдоте*. <...> Философия должна считаться со *всею* историей. <...> И в самом историческом изучении философии, то есть в самой истории мысли заключается своя философия, которую волей-неволей приходится усвоить»¹⁴.

И С.Н. Трубецкой настойчиво внедряет мысль, что в наше время философствовать без глубокого знания истории философии, без знания всех нюансов решения философских проблем принципиально невозможно. Он и саму философию стал рассматривать не как плод индивидуальной мысли, а как результат совокупной деятельности всего человечества, как продукт всечеловеческого сознания.

«Задача научного изучения философии, — пишет он, — состоит прежде всего в том, чтобы понять объективные основания, внутреннюю необходимость этих форм и направлений (то есть идеализма и реализма, материализма и спиритуализма, дуализма и монизма, эмпиризма и рационализма, скептицизма и др. — *А.П.*). <...> Надо понять *философию* этих философий, их действительное, жизненное отношение к Истине. Надо рассматривать их не с точки зрения

того или другого учения, признаваемого нами за истинное, а стремиться к пониманию возможно более объективному, имманентному, стараясь понять, каким образом те или другие философы видели образ сущей и всеединой Истины в своих концепциях»¹⁵.

Приведенная цитата С.Н. Трубецкого говорит о задачах историка философии, который не создает своей философской системы, а пытается осмыслить движение мировой философской мысли к идеалу. Но изучение истории философии, как его понимает С.Н. Трубецкой, не самоцель, а средство формирования собственной философии, своего философского мировоззрения.

С.Н. Трубецкой пишет: «В сознательном усвоении истории, в сознании коллективной природы человеческой науки и философии заключается для каждого философа начало здравого исторического критицизма по отношению к собственным умозрениям и вместе высокий регулятивный принцип. С одной стороны, философ должен сознавать неизбежные границы своей системы и признавать законность, необходимость других философий. С другой стороны, он не будет смущаться этими неизбежными границами: ибо веря в историю человеческой мысли, в органическое единство ее развития, он будет сознавать и свою философию в этой истории. Он будет уверен в том, что в истории восполнена односторонность и недостатки его личной философии. <...> Мы, взятые в отдельности не познаем абсолютной истины, мы познаем ее, взятые вместе»¹⁶. И Трубецкой приходит к мысли, что философию человечества следует понимать не как простую совокупность философских теорий, систем и направлений, а как единую «неизмеримо крупную, необъятную величину, как продукт коллективного творчества — *соборного сознания*»¹⁷.

Природа человеческого сознания

Понимание С.Н. Трубецким философии как совокупного результата деятельности всечеловеческого сознания опирается на его понимание природы человеческого сознания. В своей работе «О природе человеческого сознания» он с первых страниц формулирует свое понимание органической соборности человеческого сознания и всеми свои-

ми рассуждениями показывает, что личное сознание ограничено и предполагает сознание общее, коллективное.

Опираясь на всю историю развития жизни на Земле, как она описана в современных ему естественнонаучных исследованиях, С.Н. Трубецкой рассматривает процесс возникновения сознания как результат развития жизни: «Сознание есть существенное проявление жизни. Первоначально оно как бы сливается с прочими ее отправлениями; затем оно дифференцируется и развивается в связи с общей организацией физиологической и социальной жизни. Оно дифференцируется и развивается вместе с нервной системой и вместе с прогрессом социальных отношений, с организацией общения между существами»¹⁸.

Он рассуждает о том, что чувственность, как элементарная форма сознания, не рождается из ничего, а есть продолжение и развитие жизни протоплазмы. То есть сознание, как и жизнь, есть наследственный процесс и имеет родовую природу. Но родовая природа сознания не исключает того факта, что развитие этого родового начала сознания идет через развитие индивида и его сознания, которое совершенствуется в процессе эволюции человеческого рода. «Каждое индивидуальное человеческое сознание, пробуждаясь к жизни, развивает в себе свои врожденные способности и навыки при помощи старших, то есть развитых зрелых человеческих индивидов»¹⁹.

Подчеркивая роль человеческого рода в развитии индивидуального сознания, роль воспитания, С.Н. Трубецкой анализирует процесс возникновения индивидуального сознания и отмечает, что начинается оно с индивидуальных ощущений. Но эти индивидуальные ощущения сами по себе не способны дать человеку возможность перейти к пониманию общего. От индивидуальных ощущений, подчеркивает он, мы никак не сможем перейти к чему-либо всеобщему, отдельный индивид никогда на основе своих личных ощущений не сможет придти к убеждению в реальном бытии внешнего мира, даже в своем собственном существовании. Между тем все мы убеждены в реальном существовании внешнего мира, мы сознаем его существование во времени и пространстве. Это убеждение есть результат общего

сознания, результат соборности сознания вообще. «Если мы имеем ее (реальности. — А.П.) подлинное сознание, если мы сознаем ее так же, как нашу собственную реальность, то сознание наше соборно по существу: раз я могу подлинно сознавать другие существа, сознание есть не только мое, но общее, то есть возможное сознание всех»²⁰.

Эта соборность сознания, подчеркивает С.Н. Трубецкой, осуществляется через слово, речь. Каждое наше слово свидетельствует о коллективности сознания, именно в слове мысль объективно обобщается. Таким образом, «слово есть воплощение соборного сознания, ибо не было бы слов, если бы они были непонятны и невняты для других, если бы незачем и не с кем было говорить»²¹.

Через слово, речь человек приобщается к общечеловеческим ценностям, но «для того чтобы овладеть словом и рассудком, — напоминает Трубецкой, — человек должен быть воспитан людьми. С одними врожденными способностями, имея язык и разум, он никогда не выучился бы говорить и думать. Ибо органическая соборность человеческого сознания предполагает не только родовое единство, но и личное живое общение между людьми, — и не только род и индивид, но особое сверхличное начало, в котором примиряется родовое с индивидуальным»²².

С.Н. Трубецкой как бы мимоходом в связи с характеристикой соборного сознания упоминает о сверхличном начале, в котором примиряется родовое и индивидуальное, а между тем, некоторые его рассуждения о соборном сознании приводят к мысли, что это сознание не актуально, а потенциально и осуществляется только в будущем «совершенном обществе».

Он рассматривает все развитие мира, историю человечества как движение к идеалу, к совершенному обществу, в котором все противоречия единичного и общего, конечного и бесконечного, свободы и природы, личности и вселенной найдут практическое, а не теоретическое примирение. «Осуществление такого идеала, — пишет С.Н. Трубецкой, — все-таки остается задачей, которая не подлежит теоретическому разрешению»²³. То есть философия, как теоретическая дисциплина, не в состоянии разрешить противоречие

между индивидуальным и родовым, она может указать лишь пути к примирению этого противоречия. «Познание наше безусловно только по своей идее, по своему идеалу полной, абсолютной истины. В действительности оно обладает возможной, формальной общностью, чисто логической универсальностью, которой противолежит всегда ограниченное, эмпирическое содержание. Чтобы стать абсолютным и полным, всеобъемлющим не по форме только, но по существу, по содержанию, — сознание должно обнять в себе все, стать сознанием всего и всех, *сделаться* воистину вселенским и *соборным* сознанием (курсив мой. — А.П.). Достижима ли эта цель или нет — она во всяком случае не может быть задачей чисто теоретической. Сознать себя во всем и все в себе, вместить полноту истины в реальном абсолютном союзе со всеми — это конечный религиозный идеал жизни, а не знания только. Задача философии состоит в *возможно* конкретном познании идеала и указании пути к его осуществлению»²⁴.

Как видим, понимание соборного сознания приобретает здесь у С.Н. Трубецкого значение не столько существующего коллективного, всечеловеческого сознания, сколько цели, идеала, к которому движется человечество.

Соборное сознание у С.Н. Трубецкого, с одной стороны, рассматривается как родовое, коллективное сознание человечества, под влиянием которого формируется и в рамках которого развивается индивидуальное сознание. С этой точки зрения С.Н. Трубецкой рассматривает философию как продукт соборного сознания²⁵. Но, с другой стороны, соборное сознание рассматривается С.Н. Трубецким как абсолютное, в котором не теоретически, а практически примирены все существующие противоречия, в том числе и роковое, по словам Трубецкого —противоречие между родом и индивидом, которое «уже Аристотель сознал как безысходную задачу онтологии»²⁶. С этой точки зрения, философия не может быть продуктом соборного сознания, ибо человеческое сознание еще *должно* «сделаться воистину вселенским и соборным»²⁷. Поэтому и задачей философии, как пишет С.Н. Трубецкой, должно стать познание идеала и указание пути к его осуществлению, хотя осуществление такого идеала теоретическому разрешению не подлежит.

Практическое же примирение противоречий сознания человечество может осуществить только в совершенном обществе, только обретя бессмертие, а ведет к такому обществу религиозная вера. «Очевидно также, — пишет Трубецкой, — что сам по себе человек не может его (то есть противоречие между родом и индивидом. — *А.П.*) примирить, и если когда-нибудь он искал такого примирения, то не иначе как на практически-религиозной почве, в том или другом церковном *богочеловеческом* организме»²⁸.

То есть в реальной действительности человечество не может разрешить противоречия между родом и индивидом и другие подобные противоречия, которые могут быть примирены только в богочеловеческом церковном организме, в котором человечество становится бессмертным, а «учение о бессмертии, — пишет Трубецкой, — есть религиозное, церковное учение, которое вне церкви никогда не может быть обосновано и претендовать на научное значение»²⁹.

С.Н. Трубецкой поясняет, почему философия не способна решить, примирить противоречия человеческого сознания. Это, пишет он, является следствием того, что в современном обществе человеческое сознание соборно лишь формально, имеет потенциальный характер, а потому и неспособно примирить противоречия нашего сознания. С.Н. Трубецкой поясняет это свое соображение анализом антиномии причинности, сознание которой в одно и то же время идеально и эмпирично, объективно и субъективно, истинно и ложно. А «чтобы разрешить основные противоречия сознания, нужно сделать его действительно всеобщим, соборным сознанием, осуществить его внутренний идеал»³⁰. Но пока что наше сознание соборно по своему истинному существу, но еще несовершенно, не достигло своей идеальной цели³¹. Неактуальность соборного сознания, его возможность, а не действительность обуславливает несовершенство философии, ее неспособность решить, примирить противоречия. «Но так как самая соборность нашего сознания есть еще нечто осуществляющееся, нечто возможное, хотя и долженствующее быть, — пишет С.Н. Трубецкой, — то и самое наше знание реальности и причинности внешне, формально и не вполне действитель-

но. Отсюда объясняются все наши частные погрешности в определении причинной связи явлений <...>. Отсюда же вытекают многочисленные противоречия и антиномии, заключающиеся в наших понятиях. Все эти антиномии нашего разума обуславливаются потенциальным характером нашего сознания, противоречием или несоответствием между его формой, его идеальной возможностью и его эмпирическим содержанием³².

Таким образом, окончательное решение основного, с точки зрения С.Н. Трубецкого, философского вопроса о природе человеческого сознания, который разделит философию на два основных направления — одно из которых опирается на убеждение в реальном существовании лишь единичного, частного, индивидуального, а другое признает только сверх-индивидуальное, общее, универсальное в качестве источника всего единичного — станет возможным лишь тогда, когда наше сознание станет действительно всеобщим, соборным не только по форме, по своей идеальной возможности, но и в действительности, по существу. А это может произойти лишь в совершенном богочеловеческом обществе, то есть при осуществлении высшего религиозного идеала, к которому ведет истинная религиозная вера.

Итак, подведем итоги. Опираясь на данные естественно-научных исследований о процессе возникновения и развития человеческого сознания, С.Н. Трубецкой говорит о коллективном характере человеческого сознания, о его родовой природе и без оговорок говорит о его соборности как о состоявшемся факте. Но когда в его рассуждениях возникают соображения о противоречивости процесса познания, он приходит к мысли, что соборность человеческого сознания еще не действительность, а только возможность, которая находится в процессе осуществления и обретет действительность лишь в богочеловеческом организме. Хотя его учение о конкретном идеализме есть попытка преодоления тех противоречий сознания, которые получили четкое оформление в учениях номинализма и реализма и получили развитие в концепциях эмпиризма и германского идеализма. Но вопрос о конкретном идеализме — предмет особого разговора.

Примечания

- ¹ Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа. В отзывах русской повременной печати, речах и воспоминаниях его последователей и почитателей. СПб., 1905. С. 5 и 6.
- ² Сборник речей, посвященных памяти князя С.Н. Трубецкого. Издание студенческого научного общества памяти кн. С.Н. Трубецкого. М., 1909. С. 12 и 9.
- ³ *Фохт Б.А.* Памяти кн. С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81. С. 132, 133 – 134.
- ⁴ *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М.: Худож. лит. 1990. С. 383.
- ⁵ *Трубецкой С.Н.* Собр. соч. Т. 1. М., 1907. С. 74.
- ⁶ Московский университет. 1755 – 1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 446.
- ⁷ Цит по: *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 213 – 214.
- ⁸ Под уроком 1884 г. С.Н. Трубецкой имеет в виду принятие в 1884 г. нового университетского устава, согласно которому была отменена выборность на все руководящие должности в университетах, а также избрание профессоров. Все назначения были прерогативой попечителей учебных округов и Министерства народного просвещения, а ректоров утверждал император.
- ⁹ *Трубецкой С.Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 78, 79.
- ¹⁰ Там же. С. 411 – 412.
- ¹¹ См.: Князь Сергей Николаевич Трубецкой, первый борец за правду и свободу русского народа. С. 25 и след.
- ¹² *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии. М., 1997. С. 29.
- ¹³ *Трубецкой С.Н.* Чему надо учиться у материализма // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 105 – 106.
- ¹⁴ Там же. С. 108.
- ¹⁵ *Трубецкой С.Н.* Курс истории древней философии. С. 29.
- ¹⁶ *Трубецкой С.Н.* Чему нам надо учиться у материализма. С. 109.
- ¹⁷ Там же. С. 107.
- ¹⁸ *Трубецкой С.Н.* Соч. М.: Мысль, 1994. С. 548.
- ¹⁹ Там же. С. 494.
- ²⁰ Там же. С. 579.
- ²¹ Там же. С. 497.
- ²² Там же. С. 498.
- ²³ Там же. С. 563.
- ²⁴ Там же. С. 546.
- ²⁵ *Трубецкой С.Н.* Чему нам надо учиться у материализма. С. 107.
- ²⁶ *Трубецкой С.Н.* Соч. С. 563.
- ²⁷ Там же. С. 546.
- ²⁸ Там же. С. 564.
- ²⁹ Там же. С. 577. Прим.
- ³⁰ Там же. С. 586.
- ³¹ Там же. С. 589 – 590.
- ³² Там же. С. 583.